

Павел ЧХАРТИШВИЛИ

Родился в 1948 году в Москве. Окончил исторический факультет Московского государственного университета. Работал механиком-прибористом, техником-конструктором, статистиком, учителем истории. Более 40 лет трудился в Госархиве РФ. Почётный работник Госархива РФ.

Неоднократно публиковался в российских журналах. Лауреат премии литературного журнала «Байкал» (2019). Живет в Москве.

В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ

Не понимаю, каким еще может быть сердце. Если оно не глупое, значит, его просто нет.

Эмиль Ажар. «Страхи царя Соломона»

1

Московская писательница Нонна Владимировна Корнеева поздно засыпала. Наяву ей порой вспоминались домашние обиды. Но в снах (ей часто снились родители и муж, живые) обиды не присутствовали, на душе было светло.

Просыпалась поздно. Сейчас, открыв глаза, посмотрела на часы. Полдень. Подошла к окну. Самым красивым явлением природы ей казался листопад. Накануне асфальт после дождя был красив, как на картине: чёрный, с прилипшими солнечными мазками, Ван Гог отдыхал. Почти все деревья облетели, выделялась вишня, оставшаяся зелёной. Подумала: может быть, вишни вообще не желтеют? Ревел мотор: дворник выметал струёй воздуха листья с проезжей части. Раньше это делалось тихо, метлой. На газонах рабочие из Средней Азии сгребали опавшее золото в чёрные полиэтиленовые мешки.

Померила давление. Лечилась она добросовестно. Приняла лекарства, через полчаса нагрела и поела картофель, запечённый в мундире, запила квасом, спустя полчаса после завтрака приняла остальные таблетки. Покойный муж ей говорил: «Ты любишь лечиться». Села за компьютер. Все милые старые фильмы, сценки, монологи она давно и многократно пересмотрела. Время от времени включала фильмы-спектакли по Чехову: мхатовские, Товстоногова, Хейфеца. Нравилась декадентская чушь о мировой душе, добродушные шутки Дорна, финальные монологи Нины, Сони, Ольги. Снова и снова было жалко действующих лиц, страдающих от неразделённой любви, тщетно желающих счастья.

Была ли она сама счастлива? Да.

Давно заметила, что один губернский город Российской империи пользовался особой симпатией Антона Павловича. В «Чайке» Ирина Николаевна имела успех в харьковском театре. В «Дяде Ване» Мария Васильевна получает из Харькова письмо и брошюру; у Александра Владимировича рецепты харьковские, московские, тульские («всем городам надоел своею подагрой»); в конце пьесы он с женой бежит из имения в Харьков. В «Вишнёвом саде» в прошлые годы в Москву и Харьков возами отправляли из имения сушёную вишню; куда собирается ехать по делу Ермолай Алексеевич? В Харьков.

Нонна Владимировна не одобряла отступления режиссёров от чеховских оригиналов. Под негромкое звучание фильмов-спектаклей хорошо думалось и сочинялось. Её писательская жизнь сводилась к трём занятиям: написанию, рассылке и ожиданию. У неё выработались три заповеди: писать просто, не описывать переживания, неизвестные ей самой, и – пусть рукопись полежит. Она могла возиться на кухне, смотреть телевизор, гладить, словом, заниматься чем угодно, не думая о созданном тексте, но «чистильщик» в мозгу не дремал, он вдруг сообщал ей: в таком-то предложении у тебя неточный эпитет, в такой-то твоей авторской мысли слабое место и т. п. – и Корнеева садилась к компьютеру, вносила исправления. Наконец отправив отлежавшееся, с последней правкой, сочинение в редакцию, ждала решения главного редактора, после отказа посылала в другой журнал, в третий. Когда рукопись решали печатать, ждала публикации, потом авторского экземпляра и откликов критиков, журналистов, газетчиков, желательно – положительных, но хотя бы ругательных. Хуже всего было, когда вещь оставалась незамеченной ими – такое случалось часто. А вот друзья и знакомые читали всегда и, как правило, хвалили.

По радио передавали нынешние песни, стихи были так себе, музыка слабая. Ей вспомнились поэтичные и мелодичные песни времён её детства и юности. В частности, шедевры о мире: «Летите, голуби, летите», «Солнечный круг, небо вокруг», «Хотят ли русские войны».

Звуковой сигнал о приходе письма по электронной почте не работал. Посмотрела: нет ли чего от давней сослуживицы, тоже пенсионерки. Они в то лето, когда в Москве проходили Олимпийские игры, были отправлены на работу в совхоз «Красный балтиец». Там ночью Корнеева проснулась оттого, что по ней поверх одеяла бежала крыса. В ужасе Нонна Владимировна поддала коленом, и животное перелетело на спящую подругу. Утром Корнеева рассказала о крысе сослуживице, та сказала: «Ты в следующий раз полиберальнее!» Они переписывались давно. Нет, от приятельницы ничего.

2

Висело другое письмо... от Димы Сомова! От Дмитрия Кирилловича. Боже мой! Что-то дрогнуло в душе. Читала не дыша. «Здравствуй, Нонна! Твой адрес узнал от общих знакомых. Как ты проводишь время? Бывай на воздухе, двигайся. У нас с женой дочь и два внука. У меня гипертония и диабет. Я прочитал твои произведения из Интернета. Они вернули меня назад на пятьдесят восемь лет. Сколько было счастья в то время! После нашего с тобой отдыха в 1964 году в Евпатории я был в Крыму много раз. Ты не захотела со мной общаться после моей службы в армии. Я всё время думал, что что-то произошло, но твой рассказ меня успокоил. В некоторых твоих произведениях я узнавал себя (хо-

телось узнавать), хотя понимаю, что это художественное описание. Захватывающе откровенно. Всё, что прочёл, легло мне на душу. Буду ещё читать твоё, не всё уложилось в голове. Хотелось бы прочитать всё, что у тебя есть. Не знаю, где взять. Извини, если побеспокоил».

Корнеева вспомнила, как целовалась с Сомовым в парке у фонтана напротив Академии имени Фрунзе. Всплыла в памяти Евпатория, горячий песок на пляже, морские прогулки, солёные брызги. Стало тепло на душе. Написала: «Здравствуй, Дмитрий! Рада твоему письму. Повяло юностью. Чем я занимаюсь? Давно уволилась из учреждения. Пишу, печатаюсь. Вот бы писать, как Бунин, его рассказы – это стихотворения в прозе. Спасибо тебе за интерес к моему творчеству. Высылаю инструкцию, как найти в Интернете моё опубликованное. Если у тебя в семье кто-то может сходить на почту за бандеролью, вышлю мой двухтомник “Повести и рассказы”».

3

Дмитрий Кириллович ответил: «Нонна, как хорошо, что ты откликнулась! Внук ходит на почту. Его адрес и фио... Я получил диплом летом 1968-го. Было жалко чехов и словаков. Мне нравилась работа инженера, но она по времени занимала двадцать процентов, остальное время занимала рутинная работа с конструкторами, технологами, с производством. Постоянная ответственность за результат. Я сменил белый воротничок на синий, стал работать в цеху простым электриком и сразу почувствовал, как из интеллектуального раба превратился в гегемона. От любой работы в конце концов устают. Даже короли по вечерам вышивают гладью, ты стала писать. Приступил к чтению по твоей инструкции».

Вот и пронеслась её жизнь. Как быстро! Корнеева удивлялась: она помнила 1950-е годы – и всё ещё жила.

Когда-то её бабушка, мамина мама, также страдавшая бессонницей, изнемогая от лежания без сна, подходила ночью к кровати внучки, будила её и говорила: «Тебе ещё четыре часа можно спать».

На втором курсе института к Нонне пришло чувство к Диме Сомову, через пять лет – новое увлечение и замужество. Она не сменила фамилию. Муж навещал свою первую семью, и Нонна терпела, тяготилась этим, а также службой в учреждении.

Потом начались удивительные события. Таял лёд холодной войны. Были назначены переговоры президентов СССР и США в Швейцарии, в советском посольстве. Рональд Уилсон Рейган приехал в чёрном пальто, белом кашне и лаковых туфлях (это запомнилось Нонне Корнеевой), вышел из машины навстречу Михаилу Сергеевичу Горбачёву. Когда наше отечество перешло к рынку и у рядовых не бедных граждан появилась возможность хорошо одеться, Нонна Корнеева купила чёрное кожаное пальто, белое кашне и лаковые туфли.

Её мама на поминках своего мужа (отца Нонны) сказала про него, что он выполнил всё, требующееся от мужчины: нашёл дело по сердцу, работал, любил жену и дочь, обеспечил их. Нонне Владимировне вспомнилось, как на семейной прогулке мама воскликнула: «Боже мой, 1994 год!» Теперь хотелось возгласить: «Боже мой, 2022 год!» Как изменилась Москва! Сколько построено и отреставрировано! Великий город, кем-то любимый, кем-то ненавидимый, стал другим. Появились районы, в которых она ни разу не была, проведены линии метро, по которым ей не приходилось ездить. Выросло поколение жителей, не знавшее дефицита товаров, поколение

литераторов, не знавшее цензуры. Богатые и бедные, мириады автомобилей, нечеловеческие пробки. Переполненный, как и прежде, общественный транспорт, везущий множество людей утром зарабатывать деньги для семьи, глотая замечания начальника и посматривая на часы, вечером – ужинать, смотреть сериал и заниматься любовью. Режиссёры и артисты сотен театров ежедневно не только выжимают из десятков тысяч москвичей, толковых и бестолковых, слёзы и хохот, но и пытаются повлиять на их мышление и поведение. В городе тринадцать миллионов мужчин, женщин, детей, стариков и старух вроде неё. Что ждёт этот город? Неужели дело дойдёт до мировой войны? Неужели придётся гореть в ядерном огне?

Корнеева не боялась смерти от старости. Наступит ничто, не будет скучно, не будет больно, не придётся больше слушать и читать фальшивую, пустую болтовню и писанину.

Её бабушка говорила осенью своей долгой жизни: «Концовка». Теперь Нонна Владимировна повторяла это слово, имея в виду себя. Выше трёх четвертей века она прожила, и не надоело, хочется высказаться, выговориться, выкрикнуть (как пел Булат Шалвович) «слова, что давно лежат в копилке».

У чеховского Ивана Петровича, дяди Вани, пропала жизнь. Корнеева знала, что её жизнь не пропала, людям останутся её честные произведения – её след на земле.

Взяла палочку. Могла ходить без палочки, но после падения с сильным ушибом травматолог велел ей ходить только с палочкой («в следующий раз так просто не отделаетесь»), она была исполнительной, когда-то за это её ценили на работе. Нужно было отправить бандероль Сомову. Позвонила знакомому таксисту, он приехал, свозил её на почту и обратно. У него был кругозор телезрителя, с ним было скучно общаться. Дала ему на чай. Потом посидела у подъезда. Солнце ушло за соседний корпус и не слепило глаза. Вспоминала своё увлечение Сомовым. Когда его призвали в армию, она сначала переписывалась с ним, потом стала его забывать.

Поздоровалась с уборщицей; затем с председателем ЖСК, он был энергичным и хозяйственным, у подъездов поставили скамейки. Отдохнув, поднялась в квартиру, снова написала Дмитрию. Поблагодарила за возвращение в юность. Сообщила, что давно похоронила родителей и мужа. Чтение, прогулки, дважды в год поездки на кладбище. Там на семейной могиле, на мраморном памятнике оставлено внизу место для неё. Наблюдается в онкоцентре, рака пока нет, пограничное состояние. Ничто не болит (не сглазить бы). Её сыну пятьдесят два года, он хирург, влюбился двадцать лет назад в канадскую девушку – филологиню-русистку, женился и улетел с ней на её родину. У них дочка Анастасия (Stesi), студентка-биолог, она немного говорит по-русски и любит московскую бабушку – *moscow grandmother Nonna Vladimirovna*. Имеют дом и сад. В Канаде почти нет общественного транспорта, супруги ездят на работу каждый в своей машине. Стэси тоже при машине. Сын, невестка и внучка не раз приглашали маму, свекровь и бабушку в гости. Нонна Владимировна один раз слетала туда, с тех пор предпочитает вместо оплаты собственных полётов над океаном тратить деньги на посылки с подарками родным канадцам, особенно внучке. Закончила письмо Сомову сообщением, что книги ему отправила. Попросила его: пиши мне.

Наступали сумерки. Дочитала роман Стефана Цвейга «Нетерпение сердца» о том, как бедный австрийский лейтенант Антон Гофмиллер пожалел богатую юную калекку – фрейлейн Эдит фон Кекешфальва.

Подружился с ней, часто бывал у неё, испытывая чувство сострадания. Девушка влюбилась в лейтенанта. Он этого не ожидал. Последовала помолвка, которой он не хотел. Антон покинул несчастную Эдит, та покончила с собой.

4

Пришло новое письмо Сомова: «Нонна, добрый вечер! Произошло многое. Я ушёл с завода в техникум, преподавал всё, что давали, нужны были часы, готовился ночами. Занимаюсь гимнастикой. Больше всего люблю утро, как только начинает светлеть. Вспоминаю: зимой иду к восьми по хрустящему снегу под луной и звёздным небом. Часто в самые пасмурные дни утром ненадолго появляется солнце. Когда оставил техникум, три года душой и головой был там. Было хорошее, интересное, но и потери и откровенные предательства. В молодости однажды зимой у меня был тяжёлый период, нужен был человек, чтоб не потерять веру в людей. Я тогда сочинил стихотворение, посвящённое тебе:

Утром ветер дул, а под вечер стих.
Я к тебе приду, прочитаю стих
Про свою мечту, про мороз и тьму.
Я тебе прочту, больше никому.

Будет ветер выть, заметёт окно.
Будем ночью пить летнее вино.
И не будет слёз, и метель уйдёт.
Будет много звёзд. Будет таять лёд.

Читаю в Интернете твои сочинения. Всё время ищу в них тебя. О тебе мне интересно всё. Ты опять мне понадобилась, очень».

Корнеева испугалась: она ему очень понадобилась. Круто. Прямо по Цвейгу. Зачем ей это? Смешно на восьмом десятке. У него жена, пусть любит её. Что если его жена почитает такие его письма? Корнеева была готова дружить с Сомовым, ждала от него откликов на её вещицы – и всё. Больше ей ничего от него не было нужно. Она желала спокойно дожить. Её покой теперь могли нарушить переживания, это было совершенно ни к чему. Да и кардиолог велела ей избегать волнений. Она написала: «Привет, Дмитрий! Ты пишешь, что после твоей службы в армии я не захотела разговаривать с тобой. Не помню. Может быть. Я была молода и глупа, не понимала жизненных ценностей. Жалею ли об этом? И да, и нет. Говорят: всё, что ни делается, – к лучшему. У каждого своя судьба. Спасибо за стихи. То, что я тебе сейчас нужна, меня тронуло. И только. Больше ничего не могу тебе сказать. Пойми и извини».

Ночью ей не спалось. Сон пришёл под утро. Снился законный муж и маленький сын от него.

Проснулась. Солнце стояло высоко. Вставать не хотелось. Так бы и лежала весь день. Вспомнила, что родители в последние годы жизни старались благоустроить квартиру, чтобы было удобно жить дочери и зятю: купили шкафы, кресла, стулья, в коридоре был положен новый линолеум.

Встала, полюбовалась тремя застеклёнными фотографиями на стене в багетных рамках: улыбающиеся молодые родители, она с мужем в день золотой свадьбы, сын со Стэси и женой на крыльце в пригороде Эдмонта. Раздвинула шторы и порадовалась хорошей погоде. Вишня

капитулировала перед осенью: листья подёрнулись желтизной. Включила компьютер, зашла в почту. Ответа от Дмитрия не было.

Поняла: и не будет.

Она убила Сомова.

А что она могла поделаться? Она не могла ответить иначе.

5

Оделась и вышла из подъезда. Обошла по тротуару корпус. Навстречу катил на велосипеде доставщик еды. Мог бы ехать по проезжей части, недовольно подумала она. Ей пришлось сойти с тротуара, иначе бы парень налетел на неё. У своего подъезда села, тоскуя по искреннему умному общению. Вышла соседка предпенсионного возраста, поздоровалась, села рядом, сказала:

– Вы всегда прилично одеты. Молодец. Приятно посмотреть. Вам сколько лет?

– Семьдесят семь.

– Не страшно?

– Нет. Мы все, кроме маленьких детей, знаем, что умрём. Это не мешает нам жить и быть счастливыми.

Соседка годилась Корнеевой по возрасту в дочери. Нонна Владимировна захотела рассказать сегодняшней сон. Но собеседница начала ругать мэра. Её зять, водитель, не мог простить Собянину, что тот «перекопал всю Москву».

Корнеева уважала мэра. Встала, пошла на детскую площадку, полюбовалась играющими детьми. Вернулась домой, села к компьютеру, набрала: Тарапунык и Штепсель. Это был концерт 1969 года. В зале советские зрители тепло принимали популярный комический дуэт, радовались самой простой, незамысловатой шутке, шуток ниже пояса не было. Заказала «Чайку», фильм 1970 года. Людмила Савельева была хороша в роли Нины Заречной, можно понять влюблённого Треплева. Но четыре действия втиснули в одну серию, многое выбросили. Бедный Антон Павлович! Потом послушала радио. Понравились слова ведущей: «Если журналист, политолог или канцлер лжёт, значит, он отстаивает грязное дело. Чистое дело не требует лжи».

Стало пасмурно. Поставила на место роман Цвейга.

Ей нравились собственные сочинения, она потому их не перечитывала, что знала наизусть. Некоторые писатели, когда пишут, не могут читать других авторов, это сбивает с «собственной волны». Нонне Владимировне хорошая литература в работе не мешала, наоборот, помогала лить из души своё.

Сейчас захотелось почитать родное, русское. Взяла второй том Бунина и легла. Мелькнула мысль: может, Сомов всё же ответит? Очень хотелось примерно такого письма от него: «Нонна, я рад дружбе с тобой. Произведения твои читаю, они мне по душе». Заснула. Приснилось, что её, школьницу, вызвали к доске, она вышла, надо отвечать, а она не знает, что говорить.

Когда открыла глаза, смеркалось, шёл первый снег. Эта картина порадовала. Хотелось зимы и шубы, висящей в чехле в шкафу. Зажгла свет, задёрнула шторы. С угасающей надеждой посмотрела, нет ли письма от Сомова.

Не было.